

Артур Геден

ДРАКОНЫ СРЕДИ НАС

Коридоры Вселенной

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г28

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *О. Фатиховой*

Гедеон, Артур.

Г28 Драконы среди нас. Коридоры Вселенной / Артур Гедеон. — Москва : Эксмо, 2027. — 320 с.

ISBN 978-5-04-252260-4

Джакомо Тинторелло работал над фреской, прославляющей военную победу миланского герцога, когда его посетило странное видение. Вопреки желанию заказчика он изобразил на полотне жутких существ, после чего оказался в темнице, но загадочным образом исчез оттуда...

Детектив Андрей Крымов и его куратор Долгополов вели расследование серии загадочных происшествий. Они изучали дневник XIX века — его писал беглый политзаключенный Севастьянов, который якобы встретил чудовище в пещере и получил от него эликсир молодости. Этот путь привел Крымова и Долгополова к ученым, экспериментирующим с ДНК и пытающимся создать сверхлюдей с необычными способностями...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-252260-4

© Гедеон А., 2027
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2027

ПРОЛОГ

Стоя на строительных лесах, молодой художник Джакомо Тинторелло писал гигантскую фреску во дворце герцога Франческо Сфорца в Милане. Высокие своды зала, украшенные лепниной, усиливали ощущение величия и полета. Воздух был пропитан острым запахом винного скипидара, проваренного льняного масла и красок. Джакомо Тинторелло уже прозвали новой звездой итальянской живописи, теперь он был нарасхват и выполнял новый заказ Франческо Первого Сфорца, бесстрашного воителя и дальновидного политика, беспощадного к своим недругам. Франческо всеми силами пытался объединить вокруг Милана итальянские города-государства, и ради этого проливалось немало крови. На фреске была изображена недавняя победа Сфорца над другим бесстрашным кондотьером — Никколо Пиччино в провинции Романья.

Джакомо наносил последние штрихи в изображение битвы. Гибнущие сотнями в мясорубке бойни люди, умирающие кони, взывающие к небу смертельно раненные

бойцы. И конечно, сам герцог, закованный в латы, на черном скакуне Принце, наблюдающий с холма за тем, как его солдаты истребляют потерявшего силу врага. И все же чего-то здесь не хватало! А ведь Джакомо был там! Он хорошо помнил тот день, когда напросился посмотреть на настоящее сражение:

«Возьмите меня с собой, ваша светлость! Я должен это увидеть своими глазами, пережить своим сердцем, а не только осмыслить разумом, используя чужие рассказы», — сказал он тогда герцогу.

«Хорошо, мой мальчик, — после короткого раздумья ответил Сфорца. — Я возьму тебя в гущу битвы. Найду для тебя самый защищенный участок и окружу своей охраной. Но смотри: выдержит ли твое сердце художника такой натиск чувств?»

«Будем на это надеяться», — ответил молодой мастер.

Теперь, воссоздавая увиденное, Джакомо Тинторелло работал одержимо. Кисть скользила по фреске, переноса на нее кровь, энергию стали, отчаяние и ярость. Но вдруг перед внутренним взором художника возникло нечто иное: небо потемнело — сюда словно шли тучи. Да что там шли — неслись! Джакомо закрыл глаза и схватился за перила лесов. Нет, это были не тучи! Сюда, к полю брани, летели драконы! Да, те самые древние мифические существа, с крыльями и рогами, горбатыми спинами и длинными хвостами, вытянутыми мордами и огнем, что вырывался из их пастей. И вот уже скоро над полем брани, невидимые для людей, эти драконы правили бал. Их чешуя отливала то багряным, то угольно-черным, крылья затмевали солнце, а глаза горели змеиным обжигающе-ледяным огнем. Лед

и пламень — вот что олицетворяли они, а также необоримую силу истребления. Командиры и солдаты не видели их, они убивали друг друга и упивались этим. Но зато их видел художник! Ему одному, молодому гениальному живописцу, было дано узреть истину и связать все происходящее воедино. Парящие драконы все ниже нависали над людьми внизу. Они и руководили этой бойней! Но художнику стало ясно и другое: неважно, кто ты, победитель или проигравший, в конце концов адские твари бросятся сверху и станут рвать на части всех людей без разбора. Всех, кто позволил своему сердцу озвереть и забыть, что он человек.

Не в силах сопротивляться внутреннему порыву, Джакомо начал добавлять эти образы на фреску. Мысли и чувства подгоняли кисть, и та творила буквально чудеса.

— Что ты делаешь, Джакомо? — в ужасе спросили снизу.

Это был один из двух его взрослых подмастерьев — Лоренцо; второй — Чезаре — просто стоял онемев и смотрел на перерождающуюся фреску. Они помогали ему в работе и тоже расписывали небо, которое сейчас наполняли тени.

— Пока не знаю, — ответил с лесов Тинторелло. — Но так мне велит сердце.

Новые образы стремительно рождались на полотне. Сначала — едва заметные контуры в дымке над полем битвы. Затем — более четкие силуэты. И наконец — гигантские фигуры летающих драконов, чьи тени накрывали воинов; драконов, вынесших свой приговор бойцам.

— Он сошел с ума, — пробормотал Чезаре. — Нас повесят.

— Да, нас повесят, — кивнул Лоренцо. — Но вначале принародно избыют плетью.

Чезаре нервничал все сильнее.

— Его надо остановить. Я не шучу.

— Но как мы сможем это сделать?

— Я знаю как, — быстро ответил второй подмастерье и вышел из залы.

Прошел час, другой. Джакомо настолько погрузился в работу, что не заметил, как в парадной зале собралось множество народу. Слуги, придворные, стражники — все в ужасе смотрели на стену.

А потом послали за герцогом...

— Что это? — стремительно входя в залу, грозно спросил Сфорца. — Джакомо, что это?!

Только теперь Тинторелло прервал работу. Он посмотрел с лесов на своего хозяина и заказчика.

— Я все это увидел своими глазами, ваша светлость, — твердо ответил художник.

— Своими глазами?!

— Да, ваша светлость.

— Да за такое тебя стоило бы лишиться глаз!

Художник отступил, но не отвел взгляда. Герцог, стоявший внизу среди толпы приближенных, казался сейчас разгоравшейся шаровой молнией.

— Простите меня... Я ничего не мог с собой поделать...

Важный прелат в красной мантии уже что-то убедительно шептал на ухо герцогу, и лицо Сфорца все больше искажалось гневом. Оба ученика прислушивались к этому шепоту, и все яснее звучало только одно слово — «дьявол».

— Кто подучил тебя этому? — спросил Сфорца.

— Никто. Я же сказал: я увидел так...

— Увидел так? А может, тобой овладел дьявол, Джакомо?

Теперь уже это слово куда яснее понеслось по рядам собравшихся.

— Напротив, это было прозрение.

— Прозрение?! — вспыхнул герцог. — Скажи мне: а это кто? — Он указал на фигуру в центре фрески.

Да, этот вопрос был подобен удару меча в сердце. Тинторелло не мог посмотреть герцогу в глаза: это было выше его сил.

— На нем мой алый плащ, Джакомо, с синим подбоем, разве нет? — с яростью усмехнулся герцог. — И мой золоченый шлем — или тоже скажешь, нет? А под рыцарем мой черный боевой конь по кличке Принц. Это я в центре картины, как мы и договорились вначале! Я!

— Да, это вы. И вы побеждаете, ваша светлость.

— Побеждаю? Тогда почему этот дракон, самый огромный и самый страшный, это исчадие ада, летит над моей головой? Летит так, как будто направляет меня? И целится в меня одновременно! Отвечай!

Художник с достоинством поднял голову:

— Мне было откровение, ваша светлость: неважно, кто победитель и кто побежденный, — все одинаково ответственны за пролитую кровь. В битвах за власть на земле нет победителей — все побежденные.

Гул уже бежал по толпе в зале. Никто не ожидал от молодого знаменитого художника такой дерзкой выходки. Да что там выходки — оскорбления. И тут уже герцог рассвирепел:

— Ты закрасишь этих монстров и напишешь голубое небо, белые облака и яркое солнце Италии. Сделаешь так, как было раньше.

— Нет, — покачал головой художник.

Зал взорвался гулом полусотни голосов.

— Как это — нет? — искренне изумился герцог.

— Я не стану этого делать, ваша светлость. Исчезнет весь замысел.

Прелат даже отступил и стал неистово креститься.

— Какой еще замысел?! — взревел герцог. — Да ты и впрямь одержим! — Вот когда шаровая молния взорвалась и рассыпалась на тысячи искр, сжигая все вокруг. Даже придворные отступили в стороны. — Мне не нужен твой замысел — мне важен мой заказ! А не твоё дьявольское наваждение!

— Но я увидел все своими глазами и услышал голос, ваша светлость...

Священник вновь что-то зашептал на ухо герцогу, только на этот раз куда яростнее.

— Слезай оттуда, богохульник! Посиди-ка в темнице, а я пока решу, что с тобой делать, — сказал Сфорца. — Стража, взять его — и под замок! А это... это, — он с гневом и затаенным ужасом посмотрел на стену, — пока оставьте. Пусть на это посмотрят те, кому самой церковью велено следить. А потом я найду художника, который выполнит мое указание. Эй, подмастерья! — окликнул он обоих юношей.

Лоренцо и Чезаре тотчас упали перед грозным герцогом на колени.

— Кто из вас сообщил об этом богохульстве?

— Я, ваша светлость, — ответил Чезаре.

— Хорошо. А теперь скажи мне: вы оба хоть что-то знали об этом? Что явится нам сегодня? Об этом преступлении?

— Нет, — замотал головой юноша, совершивший навет.

— А ты?

— Тоже нет, — быстро ответил второй.

Оба взглянули на мастера, который слез с лесов и сразу был взят под стражу и теперь с великой горечью смотрел на своих учеников. Впрочем, чем они были виноваты? Скорее, виноват был он сам, подставив их под удар.

— Как зовут тебя? — спросил герцог у первого юноши.

— Чезаре.

— Итак, Чезаре, ответь мне...

— Да, ваша светлость?

Сфорца с усмешкой взглянул на Джакомо.

— Ты сможешь превратить этот ад в рай? — Он кивнул на фреску. — Убрать эту мерзость и написать небо?

— Смогу, ваша светлость, — перехватив взгляд поверженного Джакомо, быстро ответил Чезаре. И вдруг осмелел: — Моя рука ненамного хуже руки моего учителя. С небесами я точно справлюсь.

— Вот и отлично! И встань с колен, юноша. Ты мне нравишься. И ты встань тоже. А этого — в темницу! До моих указаний!

Под взглядом подмастерьев и всех собравшихся Тинторелло увели стражники.

— А теперь выйдите все, — распорядился Сфорца.

Все поспешно вышли. Герцог долго смотрел на полотно. Оно потрясало своей мощью и какой-то провид-

ческой силой. И как же страшен был дракон, который сопровождал в этой битве его, герцога миланского, победителя, Франческо Сфорца!

Поглядев на себя, не замечающего своего крылатого огнедышащего поводыря и, возможно, палача в одном лице, герцог в гневе сжал кулаки:

— Проклятье! Трижды — проклятье! — И уже куда спокойнее и страшнее выдохнул: — Ну он поплатится за это, жестоко поплатится...

Джакомо сидел на холодном каменном полу, прислонившись к сырой стене. В узкое зарешеченное окно пробивался тусклый луч заката, освещая пылинки, кружащиеся в воздухе. Он слышал, как где-то далеко в коридорах перекликаются стражники, а со двора доносится грохот посуды из дворцовой кухни.

Мысли то путались, то метались как загнанные звери. Он вспоминал, как впервые взял кисть в руки, как учился у старых мастеров, как мечтал прославить свою родину Италию, оставить след в искусстве. А теперь — темница, угроза инквизиции, возможно — смерть.

«Я поступил правильно, — убеждал он себя. — Я не мог солгать. Это было видение, откровение, которое я обязан был передать. И самое главное — я не соврал герцогу и самому себе».

— Джакомо, Джакомо! — вдруг услышал он. И тотчас оглянулся на двери — его звали через крохотную решетку. — Это я, Лоренцо!

Тинторелло подскочил и бросился к двери.

— Что?

— Я только что узнал: с тобой будет разбираться инквизиция! Кто уже только не посмотрел на твою фре-

ску. Два кардинала и три епископа! Все в ужасе. Я подслушал, о чем они говорили. Тебя, скорее всего, сожгут на костре. Даже если ты покаешься. Герцог не простит тебе себя на том холме и дракона над своей головой... Я ухожу, стража идет!

Подмастерье скрылся. За дверью протопала стража, и вскоре в темнице наступила тишина. Она становилась почти осязаемой. Художник привалился к стене и закрыл глаза. Он знал, что выбора нет. Он не отречется. Он скажет всем, что война, которую вел его герцог, — преступление. И все, кто ее оправдал, будут наказаны. Драконы — эти свирепые посланники из другого мира — разорвут на части и сожрут жадных до крови воителей. Джакомо вдруг почувствовал, как холод проникает в кости, а отчаяние — в душу.

Вдруг противоположная стена камеры стала мерцать. Сначала это походило на едва заметное дрожание воздуха над нагретой землей. Затем мерцание усилилось, и за стеной, ставшей почти что прозрачной, Джакомо увидел коридор. Он не верил своим глазам, но это действительно был длинный каменный коридор, уходивший далеко в пространство. Но такого не могло быть! Ведь за этой камерой была другая, потом еще одна, а далее начиналась обширная герцогская кухня — Джакомо хорошо знал расположение дворцовых помещений. Но ничего этого не существовало — только коридор за мерцающей, как серебристое шелковое прозрачное покрывало, пеленой. Оттуда, издалека, шел сюда приглушенный серебристо-синий свет. И вдруг из этого коридора послышался отдаленный рык, а вскоре и огромная тень поползла по стене, приближаясь к камере Джакомо. Конечно, он решил, что сходит с ума, а то и того

хуже — драконы лишь привиделись ему, когда он стоял на лесах, и герцог Сфорца и его верный прелат правы: он и впрямь одержим дьяволом. И это посланники князя тьмы идут за ним! Но приближением тени, плывущей по каменной стене, все не ограничилось: в коридоре показалось и само чудовище — его огромная и такая знакомая туша двигалась сейчас сюда. И горбатую спину уже можно было различить, и лапы, и вытянутую морду, и рога над страшной головой. Из пасти то и дело вырывался пар. Джакомо совсем влип в стену: теперь он ясно понял, что сам дьявол пришел за ними. Его охватило желание позвать на помощь, но кто бы сейчас помог ему? Его палачи? Нет! Да и кто смог бы сразиться с самим повелителем ада? Разве что ангелы, но они оставили его, бедного художника Джакомо Тинторелло...

Но каким знакомым был приближающийся к нему монстр!

И вот чудовище выбралось из своей пещеры, а затем, полностью обретая форму, держа сложенные крылья за спиной, прошло всей массой и через серебристую пелену.

Перед художником Джакомо Тинторелло стоял Дракон.

Он был огромен — выше человеческого роста, с мощными лапами, увенчанными изогнутыми когтями. Чешуя отливала темно-багровым, как раскаленный металл, и мерцала в полумраке темницы, отбрасывая на стены причудливые блики. Каждая чешуйка была размером с монету, с зазубренными краями, и плотно прилегала к телу, образуя непробиваемую броню. Крылья, сложенные за спиной, казались сотканными из дыма и пламени. Из ноздрей вырывались тонкие струйки пара, а глаза горели янтарным огнем, пронизывая Джакомо насквозь.

Художник замер, кровь застыла в жилах. Он уже отполз к дальней стене, вжался в камень, пытаясь стать невидимым. Руки дрожали, дыхание сбилось, на лбу выступил холодный пот.

Но как стать невидимым перед таким-то гостем? Который несомненно пришел именно за тобой.

Дракон сделал шаг вперед. Пол под его лапами слегка задрожал, и Джакомо показалось, что по камню пробежала едва заметная трещина. Раздался низкий, утробный рык — негромкий, но такой, что у художника зазвенело в ушах и непроизвольно застучали зубы. Он закрыл глаза, приготовившись к смерти, и наспех и сбивчиво читал молитвы.

— Здравствуй, Джакомо, — низко и хрипло произнес гость.

Могло такое быть или нет?!

— Убери от лица руки и посмотри на меня, — сказала то же существо. — Повинуйся.

Джакомо осторожно и боязливо отнял от лица руки и взглянул на своего гостя.

— Узнаешь меня? — спросил Дракон. От его голоса все вибрировало в камере, и голова грозила лопнуть и разорваться на части. — Я спрашиваю: узнаешь меня?

— К-кто ты? — выдавил он, едва шевеля губами.

— Я — тот, кого люди забыли, но кто никогда не забывал о них. Я — страж границ миров, хранитель равновесия. Ты увидел то, что скрыто от глаз смертных. Ты не солгал, когда запечатлел истину.

Дракон потянулся мордой к Джакомо, и тот почувствовал жар, исходящий от его пасти, как от кузнечно-го горна. Кожа на носу была грубой, потрескавшейся, с мелкими чешуйками по краям. Струйки пара косну-

лись лица художника, обожгли кожу, в нос ударил запах раскаленного металла и чего-то древнего, первобытного, пугающего до смерти.

— Назови мое имя, Джакомо.

И тут острый луч догадки прошел через сознание Джакомо Тинторелло, и он дрожащим голосом спросил в ответ:

— Ты — Агареон Могуущественный?

— Все верно! Ты увидел и услышал меня — сердцем увидел и услышал. Это особый дар. Ты изобразил меня на своей фреске — и поэтому я пришел спасти тебя.

Джакомо с трудом сглотнул. Голос Дракона звучал прямо в его голове, заполняя ее целиком. Это было то самое чудовище, которое так взволновало, испугало и разгневало его светлость — герцога Франческо Сфорца. Потому что именно оно летело над ним в той самой битве, которую изобразил Тинторелло на фреске во дворце. Именно этот Дракон возглавлял всю стаю монстров, ворвавшуюся в мир людей.

— В этом мире тебя больше ничего не ждет, кроме смерти, — продолжил Дракон. — Герцог не пощадит тебя. Инквизиция не поверит в твое видение. Ты умрешь на костре, и твой дар сгорит вместе с тобой.

Джакомо закрыл глаза, пытаясь унять дрожь. Страх сковывал тело, но где-то глубоко внутри зарождалась искра надежды.

— А если я пойду с тобой? — прошептал он. — Что будет тогда?

— Тогда ты увидишь мир, где драконы — не миф, а часть бытия. Где искусство — не прихоть властителей, а ключ к пониманию вселенной. Где твой дар будет не проклятием, а благословением.

Дракон протянул чешуйчатую лапу. Когти, острые как кинжалы, сверкнули в тусклом свете, но в движении не было угрозы — только предложение. Чешуя на лапе переливалась бронзой и медью при малейшем движении.

— Решай, Джакомо Тинторелло. Останешься здесь — и умрешь, как многие до тебя. Пойдешь со мной — и обретешь новую судьбу. Однажды я спас твоего учителя — Лучано Гвидони, а теперь хочу помочь тебе.

— Сеньора Гвидони?!

— Именно его. Неужели он не говорил тебе обо мне?

— Говорил, и много раз; он рисовал тебя и называл по имени, но я думал, что это сказка...

— И напрасно. Как видишь, я существую. Я подарил новую судьбу Лучано и подарю ее тебе.

Художник посмотрел на лапу, затем в янтарные глаза Дракона. В них не было злобы — только древняя мудрость и сила, перед которыми, столкнусь с этим чудом, затрепетали бы самые первые из земных мудрецов.

Медленно, преодолевая страх, он протянул руку. Дракон помог ему подняться.

— Следуй за мной, — сказал он и медленно направился к серебристой мерцающей преграде.

Понимая, что столкнулся с непостижимым чудом, Джакомо Тинторелло двинулся за своим гостем. Если он сошел с ума — так тому и быть. Пусть они сожгут безумца — тому же будет лучше! Но вот они перешли серебристую преграду, Джакомо обернулся и вскоре увидел, как мир позади него буквально поплыл. Он исчезал! Нет же, нет, это не могло быть фантазией перепуганного до смерти безумца! Все было реально! Темница осталась позади — как дурной сон, который больше никогда не